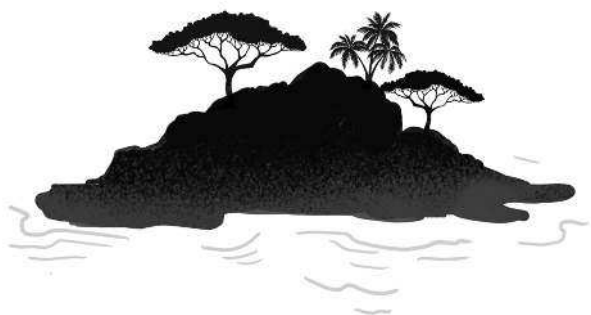

*Читайте также роман
Киран Миллвуд Харгрейв
«Девушка из чернил и звезд»*

Киран Жиллвуд Харгрейв

Остров
на
краю
всего

Freedom

Москва

2017

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44
Х20

KIRAN MILWOOD HARGRAVE

THE ISLAND AT THE END OF EVERYTHING

Original English language edition first published in 2017 under the title THE ISLAND AT THE END OF EVERYTHING by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS

Translation Copyright © Chicken House Publishing Ltd

Text copyright © KIRAN MILWOOD HARGRAVE 2017

The Author/Illustrator has asserted her moral rights.

All rights reserved.

Харгрейв, Киран Миллвуд.

Х20 Остров на краю всего : [повесть] / Киран Миллвуд Харгрейв ; [пер. с англ. С. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (Young Adult. Проза).

ISBN 978-5-04-088764-4

Ами живет на далеком острове, где обитают люди не такие, как все. Когда на Кулион приезжает жестокий мистер Замора, жизнь девочки оказывается разрушена. Ее силой увозят, разлучив с семьей и друзьями. Теперь между ней и дорогими ее сердцу людьми лежит целое море. Но Ами не сдается. Ее ведет за собой хрупкая, точно бабочка, надежда и отчаянное желание изменить привычный мир, стерев из него раз и навсегда всю несправедливость. Успеет ли она вернуться домой и помочь своим близким, пока не стало слишком поздно?

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-088764-4

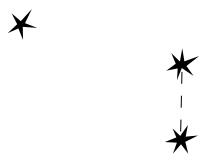
Моему мужу

*Мир погибнет
не из-за недостатка чудес,
а из-за отсутствия чуда.*

Дж. Б. С. Холдейн ★

ГЛОССАРИЙ

<i>Нана</i>	мама
<i>Ама</i>	папа
<i>Лоло</i>	дедушка
<i>Гумамела</i>	гибискус, цветок, часто встречающийся на Филиппинах
<i>Тадхана</i>	судьба
<i>Такипсилим</i>	сумерки
<i>Хабиллин</i>	что-то, отданное кому-то на хранение
<i>Лихим</i>	секрет
<i>Дивата</i>	духи-хранители, обычно оберегают природу
<i>Питайя</i>	драконий плод
<i>Пахимакас</i>	последнее прости

**ОСТРОВ
КУЛИОН,
ФИЛИППИНЫ,
1906 ГОД**

Есть места, куда вам ни за что не захочется поехать. Даже если я скажу, что океан у нас чистый и ясный, как летнее небо, с морскими черепахами и дельфинами, что в пышных лесах на склонах холмов полным-полно птиц, а воздух густой и теплый. Даже если вы узнаете, сколь прекрасна здешняя тишина, прозрачная и свежая, как звон стеклянного колокольчика. Никто не приезжает к нам по собственному желанию.

Моя нана говорила, что вот так, не спросив согласия, привезли сюда и ее саму. Но точно такую же историю могут рассказать и другие, кем бы они ни были и откуда бы ни прибыли.

Из дома вас увозят на лошади или уводят пешком, а потом сажают в лодку. Гребцы — чтобы только не дышать одним с вами воздухом —

прикрывают рот и нос тряпичными масками, набитыми травами. Они не помогут перейти с берега на лодку, даже если у вас кружится голова, а пару недель назад начали болеть и неметь ноги. Споткнетесь, пошатнетесь в их сторону — спрячут голову и пригнутся. Пусть лучше вы скатитесь в море по их спинам, чем они прикоснутся к вам. Вы сидите, прижимая к груди узелок с жалким скарбом, всем, что успели вынести из дому, прежде чем его сожгли. Кое-какая одежда, две-три книги, кукла, письма от матери.

Так получается, что обычно туда прибывают в сумерках.

Остров меняется, темное пятно на горизонте становится зеленым раем. Высоко, на спускающемся к морю склоне увенчанной крестом скалы, раскинулось поле из белых цветов. Чем ближе, тем отчетливее принимает оно форму орла и тем яснее становится, что белые цветы — на самом деле камни. И вот тогда сердце в груди твердеет, как превратившиеся в галечник лепестки. Нана говорит, что значение символа белого орла знают на всех ближайших островах и даже за пределами нашего моря: *держись подальше. Не подходи* — *разве что у тебя нет иного выбора.*

День опускается в сумерки, когда лодка проскальзывает в бухту, и вы ступаете на бе-

рег. Звезды вспыхивают в небе крохотными сияющими точками. Вас обязательно кто-нибудь встречает. Они там понимают.

Гребцы, доставившие вас на остров, хотя и устали, сразу же пускаются в обратный путь. За те часы и даже дни, что вы провели вместе, они не сказали вам ни слова. Плеск весел тонет в шуме набегающих на берег волн. Возвратившись домой, они первым делом сожгут лодку, как уже сожгли раньше ваш дом.

Вы смотрите на встречающего. Вы уже изменились. Как цветок, ставший камнем. Как день, ставший ночью. Потяжелели, потемнели — таким вы останетесь навсегда, отмеченным. Тронутым.

Нана говорит, что в других местах наш остров называют по-разному. Остров живых мертвецов. Остров, с которого не возвращаются. Остров в конце всего.

Вы на Кулионе, где океан чист и ясен, как летнее небо. На Кулионе, где морские черепахи роют песок на берегу, и ветви деревьев склоняются под тяжестью фруктов.

Кулион, остров прокаженных.

Добро пожаловать домой.

ВИЗИТ

Мне повезло больше, чем большинству других. Я родилась здесь, и меня не обзывали, в меня не плевали на улицах. Нана уже носила меня, когда за ней пришли, хотя и не знала об этом, пока, через месяц после отъезда из дома, не сошла на берег и не ощутила в животе трепет, словно дрожание крылышек. Это я росла в ней.

Нана приехала сюда одной из первых, еще до того, как на скале появился белый орел. Она помогала складывать его, когда я только выкатилась на свет и, совсем маленькая и надежно привязанная, лежала на ее спине. Выбеленный солнцем коралловый известняк, который собирали на берегу, был тогда просто камнем. Теперь он — птица.

Я напоминаю об этом нане, когда ей бывает страшно, а такое случается нередко, хотя

она и старается держаться. Видишь, говорю я, эта птица вся из камня цвета кости, и она прекрасна. Я к тому, что хотя плоть угасает, красота не уходит. Но ведь в птице важна не только красота, отвечает нана. Орел еще и символ министерства здравоохранения. Мы живем на проклятом острове. Острове болезни.

Порой нана выражается с излишней, на мой взгляд, прямотой и откровенностью.

Я уже заметила, что взрослые склонны видеть во всем только плохое. В школе, на уроках у сестры Клары, речь каждый раз заходит о грехе и дьяволе, а не о любви и доброте, как у сестры Маргариты, хотя обе говорят о Боге и церкви. Сестра Маргарита — самая главная и самая добрая сестра на острове, поэтому я предпочитаю слушать ее, а не сестру Клару.

У наны боги свои, маленькие, которых она держит на подоконнике или под подушкой. Ей не по вкусу, что я хожу в школу, но на этом настаивают монахини. А кроме того, я люблю сестру Маргариту. У нее широкий рот и чистые-пречистые ногти. У тебя очень серьезное личико, сказала она мне однажды, но не в упрек, а по-доброму. Нана постоянно твердит, что я заработаю морщины, если буду супиться, но тут уж ничего не поделаешь — не могу думать и не супиться.